

цни тартовани то ризи и вели канали. Карми тиж у великой части коло моря, где не сходзи и главни торговельни места: Кантон, кой, Шан-гай, Гонг-ган, Чифу, Шан-дин.

Жители Китаю.

У Китаю велика числ коло 430 милионк людох; а их мож поазелит, як и пали край, поазелит на две тини: северни Китайци и южни. Северни — люде високого роста, плетли, помали не обрладаю и беседузу, а до тау по франци; зато южни сухи, швидки и влого темпераменту. Тотти два телью воясиною — пооди вост китаяского народного живота. беседи у главни два: на северу люде е медзи собу лачейше рачуия гоч су в друх крайох и маю велик паричя; зато не на су тоти паричя баржей розликуто и люде е едик а другима чешке порозумя, а чаше чаше зос людама северного Китаю.

Шидци жеми, по свядаю до правого Китаю, откозиви зос великим муром и цези не е 18 провинци. На северу а заводу коло х не находза край, по джери були под кидску власну, але в часом себе воейовали кибоду. Так на северо-востоку велика Манчурска держава, котрей сунедз зос западу овчолая — лужаня и волжаниа, перла пржей под манчуром, а друга под московско-львинским управом. На северо-западу не ходи Китайски Туркестан, где 83% жителюх вазвала исламску (мугамеданску) веру. Тутти китаяци поазуто як Боса. Служко и прицаю су двом главним вярским сектом: будизм и конфуциозизму. Китайци волазо Туркестан „Синь-Китай“ дове газдовство. На мгу од тайского, Туркестану дожа Тибет, где ангийски ушлив бара велики.

Жители Китаю барз числени. З початку велик край жили окрепним животом як земцилици. Помали вони не почали соединяваняного народу, а при тим були уличней войни юмадами — жителями пустыньох, по коло е. И цела история Китаю состои не од того циньовани посланих крайох до одной вели-

кей и мощней держави и у тих борбах зос юмадами. О тим нависшеме друх раз.

Цо то „джентлмен“?

„Джентлмен“ — шляхотни (племянити) чловек то ангийски мужески идеал. Вон мужи бичи барз добре виковани, мац най-пенши способ владети мацелю швазом. До степенство и обфалност. Велька ангийска кралица Викториа, котра владела 64 рокни (1837-1901) так описуе правдивого джентлмена:

„Джентлмен чисти мизика и ходиука у души. Вон не не погичуе пред богачам, а ои не патри з високим на худобних. Еднай не достойно злада и у шесцу и у пужиди. Вон високо поштуе жеми и старших и добри е ко дзечи. Вон прегорам и не може цинтаити и велькодущини та не зна обфариц, люби роботу, а не люби дармодан. Джентлмен е задовольни кол тим, по ма, и без лависни патри на тих, котри уживаю того по им припадае.“

Кельо е у нас галик „джентлменох“?

У Польскей не водзи борба на премекку закону о державних выборах и на народ достане велик права, бо по теритиним закону сама влада ставля кандидатох, а народ мал право лем гласан. Роби не на тим, да поволик посланикох вибераю газдовски культури и культурни дружства, а другу половину цали народ. Опозиция барз болагз тотти реформи, а влада, як обично, вне ма кеда.

Митрополити на Горинци. Зос Риму пришла виста, же не на нашей Горинци оснуе митрополитя и велик церква будзе там мац двох владыкох и вцего митрополита. Нове владычество ма не основанц у Густу, а митрополити бы сподовал у Уагшороу.

Большевицки монопол. Под большевицку владу на Украйни велик земледельци муша предават свои плоди з поли лем большевицкей держави. Цени определяли большевицки галки: на килу жыта плацк парастови 6 копийки, а хлеб удечени в той инди жыта предавако большевицки за 3 рубли! За килу масла плаца два и лем рубли, вренавлю то у державних дутных за 20 рубли. Нец кеда земледельци не тали хлеба, (а то не стана каждого року) вон муши купити од держави свой власни хлеб а плацк сторачи драгши.

Нашо у худобни. Наш народ у весини худобни, а ту тому под чужоу владу у Волжскей к Ческей муши гляди по шесце легчейши живот. Вельо нашего народу ост у Немецкей, Французкей з Галичине, Горинци а и в Югославии. Барз ралосна поява, же не чинио зезде лавило на прдзани до тартовани и до индустрии (фабриках, а не еду буи лем обични служове. Так на прилод у Французким варошу Везан-Шале маю нано юмозе для тартовани, два рестораноу, еден готель и купляницю. У Паризу ест наше фабрика (савчуку, мисла и др.), ест наше рестораноу, кийтари, библжотека. То добри! Своей природи способностци мушиме на индичих великох воясиновати.

Хмель не уродвел того рокув; у нас, анй у других державох як на приклад у Польскей садзелт наше люде коло варошу Рипле. На Волжине цет анй 10%, юнйского урожая.

Немецки матерви верни по войни буду той велик у северней Немецкей. Команду на матерох будзе наш сам министр войни маршал Бломберг. На тоти матерви приде и Мусолини з Италии.

Украйиска Армия проти Москви. До Лондону пришла виста, же Сталик дал лаврец трох генералох и 77 официрох у большев. армии на Украйни. Оскаржени су, же робили на тим, да не Украйно одгарни од Москви и да не большевицки шор (лепше до шор) на Украйни анйци.

Америка вивела, же зона не попатне саобо лад анй своей групи зос Кхсаю, бо юни муша чувац американских горожанох, котрих там ест 8.000.

Большевицка тайна полиция („чека“) у петроградском округу лем у мейнцу августу поштреляла 41 особи, по бузак проти большевицкейидей и каждая з них обломовани а искокима орсипами.

„же то ти шипохому виновата? Чом ши го к розвазали? Чом ши го за хибн не карали? Ти не радояла, як вел би це на стоци посадзел, кеда свойо мужи указывал. А веда лем, чи велькораз ти не зос вим пожедала вепар лебо рано?“

„Навсце, я не чудуем, же сом така глупула. Але чудуем не и тебе, стари дургоже ма тераз таке даво приповедали! Чи думаш, же една слаба жена може сама лица виковац? Та то отдова робота! Неме, е ширн поведа, чи ши му гоч раз поведа; су, то не так, а так! Правда, чи не? Ти цю зохабел на мив. А кеда ши му дараз и грожед, чи ши дотримал слово? Анй теда, (а пашьго накрывала, ти да мну не ступа, го лице бранка. — А паметаю, кеда раз ашюа в нощи на два годани дому и скрадал на мильцох ит юлодий. Наметаю? Теда за добра нагода, да го опомниш. А ти цо то? Та не мив питал, чи ван добре дзевзамкнул. Правда? И вецей нит! Но та теда маш сна таког, якого ши заслужел, бо баржей мерковал на джери, як на власне цю.“

Шлякко на го анй паря а устех не винул. Була то правда. Вон то видзел. Але и на видзела, же були обичнойо винявити, сна не виковали.

Але лице ест помоци, ест рачунок, на цю лице преладло. Треба го ожениц! Треба найец добру жену, котра го джянгиа и кол го валуци на добру драгу.

Яковони вибрани джину зос другого владу. Ирника не воляла. Була красна чесна, розумна и побояна. И сам Яков ю хвалел, же давка добра и побояла, бо знал, же при тачей будзе му лачейше мулатовац.

Стара Юза, як кеда би не друх раз не швет нараздзела. Невеста ей чесна, вредна, красна и год ангел. Вона зос своею доброту наировадзи ей сна на добру драгу.

А Яков? Зашаги чюда гуторит. Вон не тераз жеми. Вон не, тавцуе, динна, — зоя тераз шемелба.

Лем една Ирника не була весела. Ей ввини, чисте шерцо чуло зло. Ой чистей як глазочка душа — вон даял свою спрету, погажену, поганьбеку младосц. . . Вона же бала. . .

И ей страх не злещел. . . Рок по свадзби никто би ю не препознал. Препадла, ачаривла, поможрела не як висушена дилвака, а зсербилла не як сторочна баба.

Якой шйда не бул дома, лем и скорей. Вше лем у дружтве лил и картал ше. Вноци, кеда не а карцим врацал, страшно лил, бил и тлукол шипцких. За пол рока отпа до гробу загнал. Мац замлывала од боли, злосци и ганьби. Дираз такой по хосаню предруцела му цали його садни живот. З того прашло до страшней звади, а вел битки. Надвладал сна, бо ввапел мацер за вляси, почал зос по руцати, а вец ю вярцуел за джери и погражел, же кеда не враци навад, ти ю забияк. Нещеплива мац плачуца охабела власну хижу.

А газдовство з кажким дньом препядало. Кеда уж Яковони, никто не сцел даван на борг, прелач польо и велей под а картал ше. Але не длуго.

Ван пред Михалом то було. Врацал ше зос карцим, а пияни, як чарна зец. Баткельо ряз вивавал ше у арку лем потрафел до свойого обисца. Хжика була захпуга, Ирника уж други дзень у асцелей лажала. Мала хлапца. А Якова то барз рунело, же вона не аякюа. Вон думал же пред айм. Вибил облик и вочал не цискац нука. Ирника зюйчала, же най ше враци, дораз такой му отвори джери. Не знала сешиница, же идзе себе по шмерн. Одомкле джери и ступула. Перше слово, а котрим не ожаал Яков, було Бог, Мария, ей оцци и цали род.

„То ти не предомну замкаш. . .? Мис охабини на вятри и джидку, а сама балсуюца под цзалу перкину? (аладца една, поможривецка, на, ту ца! . . .“ — и бил ю, тлукол ю зос пещу, цатал по хижк. . .

На ютре, кеда бабини пришла дзешко муцац, од страху не ей аж власи джвагли. Долу на жемн. лажала розцагнута Ирника у власней застидзутей криви. При ней спал пияни Яков и хралел на цалу хижку. . .

Кирыве ешенские служки жалосие закуцывало то дия през Пастернаков облак. Чудовало ше к саровало невину жертву рознуценого обидца, — а вец ше скрало за оловяних хмарах и жалосие було цали даше. . .

